
Часть I

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СЫСК

Глава 1

ЕГО МОЖНО ПОДКУПИТЬ?

Князь Федор Юрьевич Ромодановский был хмурым, как всегда в трезвом состоянии. Покосившись на Егорку, продолжавшего стоять в полупоклоне у дверей, недовольно пробурчал:

— Проходи! Чего пнем застыл? Вот сюда оседай, — указал он на табурет.

Егорка взглянул на грубый табурет, на котором несколько минут назад сиживал колодник с рваными ноздрями, и, будто бы опасаясь ободрать седалище о серую неприглядную занозистую поверхность, присел на самый краешек. В бревенчатую стену было вбито большое металлическое кольцо, к которому прикрепляли острожников.

В какой-то момент Егорка почувствовал себя неуютно под тяжеловатым взглядом Федора Юрьевича.

— Углядел?

— А то как же! — почти обиделся Егор. — Поначалу он вместе со всеми в обозе ехал, а когда санный поезд с горы стал спускаться, так он в город отправился.

— К послу Кинэну? — предположил Ромодановский, смотря на исправника с прежней неучтивостью.

— К нему, Федор Юрьевич, — подхватил охотно Егор. — Как выехал в Троицкий переулок, так сначала осмотрелся, не наблюдает ли кто за ним, а потом в дом вошел.

— Вот оно как! И сколько же он там пробыл?

— Думаю, что с полчаса, — отвечал Егорка, призадумавшись. — Когда в горнице оказался, достал из-под кафтана грамоту и послу отдал. О чем-то переговорил и скоренько вышел. Федор Юрьевич, милосерден ты! Надо бы на дыбу этого шведа, покудова он смуту в Москве не посеял!

— Матвей! — позвал князь Ромодановский.

— Я здесь, князь! — предстал перед Федором Юрьевичем палач.

— Сказано же было, что холодно в палатах! Дровишек надобно подбросить, — кивнул он в сторону остывающей печи, — а то у меня аж иней на ушах.

Заплечных дел мастер чуть подался вперед, как если бы и вправду хотел рассмотреть заснеженные уши князя Ромодановского.

— Это я мигом, Федор Юрьевич, — распахнул дверцу Матвей. — Уголечков-то полным-полно, бросить дровишек, так они сами распалются!

Подле печи аккуратной стопкой была сложена невысокая поленница. Здесь же, в самом углу, стояла кочерга. Подхватив ее, Матвей усердно пошуровал в печи, распалая огонь, а когда в комнату дохнуло жаром, взял березовые дрова и швырнул в распахнутый зев печи, не без удовольствия наблюдая за тем, как занимается огнем ссохшаяся кора.

— Сейчас теплынь грянет, Федор Юрьевич, хоть порты снимай! Хе-хе-хе!

— Поговори мне! — пригрозил пальцем судья Преображенского приказа. — Ладно, поди прочь, не до тебя.

Отерев о полы рубахи испачканные ладони, палач ушел так же незаметно, как и появился. Несмотря на свой немалый рост, Матвей умел быть неприметным. И только во время прилюдной казни, подпитываясь тысячами взоров зрителей, обращенных на помост, позволял себе становиться главным действующим лицом.

Дверь неслышно закрылась. На двор густыми хлопьями падал снег, а солдаты, одетые в овчинные тулупы, несли службу у парадного крыльца, то и дело стряхивая с мохнатых воротников налипший снежок. Дрова потрескивали, наполняя комнату теплом.

— На дыбу, говоришь, — мрачней, произнес Ромодановский. — Только как же его брат, ежели он посол! А потом, если мы с бароном Кинэном лихо учиним, так они нашего Романа Артемьевича Воронцова в темнице сгноят. Тут думать надо, — протянул невесело князь Ромодановский. — Ты вот что, Егор, глаз с него не спускай! Докладывай обо всем, что в доме творится.

— Сделаю, Федор Юрьевич, — охотно отозвался исправник, заглядывая столънику в лицо.

— Кто приходит, кто выходит, как долго они у него сживают. Девка у тебя есть? — неожиданно спросил Ромодановский.

— Машенька у меня нареченная, — зарделся Егор.

— Кто такая?

— С Лушков. Я ее сызмальства знаю.

— Дело хорошее, — вновь отчего-то насутился Федор Юрьевич. — А только для дела тебе не мешало бы со служанкой барона поближе сойтись. Видал я ее, знатная девка. Бедра — во! — растопырил он руки. — Девки падки на подарки. Купишь ей пряников, — сунув руку в карман, Ромодановский извлек горсть серебра. — Возьми... Ситца девке подберешь с цветами, да такого, чтобы понравился. На праздник! Они это ценят.

— Исполню, Федор Юрьевич, — с готовностью стреб серебряные монеты Егор.

— Будешь расторопным, в дознаватели переве-ду, а еще шубу с моего плеча получишь. Она тебе великовата малость, но зато новая... Скорнякам скажешь, перешьют!

— Спасибо, благодетель, — расчувствовался Егорка.

— А теперь проваливай давай, письмо государю отписать надобно, пусть последят за лиходеем.

* * *

Пятница. День приемов. Через минуту должен подойти военный министр барон Клаузе с докладом об общем состоянии дел в Европе. Кроме того, от него можно получить немало новой информации о русском царе. Король Август не любил пятницу и часто перепоручал прием начальнику канцелярии, но в этот раз он решил послушать доклад.

Раздался сдержанный стук в дверь. Министр за-являлся в кабинет секунда в секунду.

— Что там известно про русского царя? — спро-

сил король после того, как барон Клаузе разложил на столе свои бумаги.

— По Европе русский царь разъезжает инкогнито. Представляется Петром Михайловым и даже не откликается, если его называют как-то иначе. Во главе посольства стоит Франц Лефорт, швейцарец по происхождению. На Петра он имеет колоссальное влияние. По складу ума — типичный авантюрист. Образование получил начальное, но чрезвычайно умен, знает несколько языков.

— Какова цель посольства?

— Отыскать союзников против Турции. В прошлом году русские сумели отвоевать Азов и сейчас хотят закрепить успех.

— Неплохо было бы заполучить такого союзника, как Россия, в борьбе против Швеции.

— Похоже, что политические дела его совсем не интересуют. Он больше увлечен амурными делами.

— Он ухаживает за фрейлинами? — проявил интерес Август.

Министр скупно улыбнулся:

— Фрейлины требуют обхождения. Русский царь предпочитает действовать наскоком. Поэтому ему в основном приходится иметь дело со служанками и кухарками, которые не смеют отказать русскому царю. — Министр неожиданно рассмеялся, вспомнив нечто забавное. — Впрочем, был случай, когда он пытался добиться благосклонности одной саксонской крестьянки, невзирая на ее протесты. Он повалил ее в стог и хотел тотчас предаться амурным делам. Но из дома с косой в руках выскочил ее отец, и русскому царю пришлось ретироваться.

Курьезный случай рассмешил Августа:

— Ха-ха-ха! Хорошо, что русский царь хорошо бегаёт, а то саксонский крестьянин намял бы ему бока. Случаи с русским царем забавными анекдотами расходятся по всей Европе. Наши светские салоны изрядно заскучали, так что русский царь добавляет тему для разговоров. Что еще говорят о царе Петре?

— Он чрезвычайно неприхотлив в быту и в еде. Ведет себя, как простой мужик, одевается очень просто и дешево. Не любит носить украшений или каких-то отличительных знаков. По одежде его можно принять за обыкновенного слугу, если бы не вызывающие манеры, которые невольно бросаются в глаза. Кроме того, он выделяется среди прочих огромным ростом. Любит обедать среди прислуги. В его окружении почти не встретить родовитую знать, в основном он окружил себя мелкими дворянами.

— Однако он дальновиден. У мелкородных дворян нет столько спеси, сколько можно наблюдать у знати. Ими легче управлять. Мне нужен союз с Петром.

— Ваше величество, — распрямился министр, — мы делаем все возможное. Нам известно, что царевна Софья предпринимает шаги к тому, чтобы сместить царя с престола.

— А что царь Петр?

— Похоже, что он пока не знает об этом. Вместо себя на государстве он оставил князя Федора Ромодановского.

— Что это за человек?

— Он необычайно предан русскому царю.

— Его можно подкупить?

— Не думаю, — уверенно отвечал министр. — От царя он получает большое жалованье. Кроме того, Петр награждает его всевозможными милостями. Он имеет большие надель с крепостными крестьянами

— Какие у него недостатки?

— Он имеет массу пороков, ваше величество. Он невежествен, жесток, едва ли не все свое время проводит в застенках. Любит сам допрашивать узников и пытаться их. Но вместе с тем необычайно честен и очень предан Петру.

— Хорошо. Следите за каждым шагом русского царя и немедленно докладывайте мне о каждом его действии.

Министр Клаузе почтительно поклонился:

— Слушаюсь, ваше величество.

Глава 2

ГОСУДАРЬ, ТЕБЯ ХОТЯТ УБИТЬ

Курфюрст прусский в честь прибытия гостей организовал пышный прием, куда, кроме самого Петра и ближайших его приближенных, были приглашены наиболее именитые жители герцогства.

На Петра Алексеевича приходили смотреть, как на большую диковинку. Почти каждого восхищал гигантский рост царя, простота его в общении, а дам умиляла горячность, с которой русский государь рассказывал о премудростях плотницкого искусства. Причем каждую из них он непременно зывал на верфь, где обещал продемонстрировать корабельное мастерство. Женщины закатывали гла-

за и млели только от одного прикосновения «герра Питера».

Особенно Петру приглянулась молоденькая фрейлина из окружения герцогини. Лицом белая, как снег, и с золотыми пушистыми волосами, она напомнила ему очаровательную Анну Монс. Странное дело — в великом посольстве Петр неожиданно позабыл не только о своих прежних возлюбленных, но даже о покинутой супруге.

Фрейлину невероятно забавляла неправильная немецкая речь царя, и она весело фыркала едва ли не на каждое государево слово. Дело складывалось к тому, что он в ближайшие минуты должен был увести ее в густоту тенистого сада, чтобы наедине с прелестной «пастушкой» постигнуть все премудрости «плотницкого мастерства».

В зал вошел озабоченный Меншиков. Отыскал взглядом среди шумного веселья Петра Алексеевича.

— Чего хотел? — невесело буркнул царь, не отрывая глаз от соблазнительной девицы.

— Государь, наедине бы поговорить.

— Что так? — смерив любимца неодобрительным взглядом, спросил самодержец.

В последнее время Алексашка досаждал невеселыми новостями. Широкая ладонь Петра уверенно опустилась на колено девушки.

— О слове и деле государеве говорить хотел...

— Она не понимает по-нашему.

Лицо девушки было бело-молочным, будто бы накрахмаленным. Внешне она напоминала нарядную куклу, какую можно приобрести на ярмарке.

А хороша, чертовка! Иноземные девки так и липнут к государю!

— Изменщик — окольничий Степан Глебов, как и отписано было князем Ромодановским.

— Вот оно как! — огорчился не на шутку Петр Алексеевич. — А я-то думал, наговоры. Что там?

— Мы тут его малость под пыткой допросили. Так он признался, что сам передал французам, будто бы ты морем надумал ехать.

— Зачем же это им надобно?

— Убить тебя хотят, государь, — тихо произнес Меншиков. — Не могут тебе простить того, что ты у них из-под носа Польское королевство увел.

Петр действовал решительно. Он уже давно не знал отказа в любовных потехах. Его ладонь бережно поглаживала девичье колено, после чего приподняла краешек платья.

— И как же они хотят меня убить? — подивился государь. — Я здесь, а Франция далеко.

— Вроде хотят пиратов нанять, чтобы судно твое потопить.

— Ишь ты, черти! — неожиданно развеселился Петр Алексеевич. — Не успокоились еще. Где этот плут?

— Мы его в каморке заперли, а к нему караул приставили. Что будем делать, государь?

Глянув на улыбающуюся девицу, вздохнул:

— Эх, Алексашка, не даешь ты мне с девками побаловаться. Посмотри, как на меня эта краля смотрит. — Широко улыбнувшись, продолжал: — Я ведь теперь почти неженатый, можно сказать. — Рука государя обхватила девичий стан. — Так что мне о государыне нужно подумать. Глядишь, она и царевной может стать. Знаешь, как ее величают?

— Не ведаю, государь.

— Гретхен! А мы крестим ее в православную веру и назовем, к примеру, Галиной, а то и Катькой! Так что ты, Алексашка, еще и кланяться ей будешь!

— Петр Алексеевич, — взмолился Алексашка Меншиков, — надо бы решить, что делать-то!

— Эх, Алексашка, никакого понимания не имеешь. Не даешь ты мне с девицей потолковать, а ведь я ее плотницкому делу хотел обучить и лавку для этого подходящую выбрал. — Поднявшись, продолжил: — Попрошаться мне с курфюрстом надобно, не сбегать же мне с бала, в мою честь устроенного.

Второй этаж заполнили музыканты. Задвигав стульями, расселись по своим местам. Под взмах коротенькой дирижерской палочки зазвучала музыка.

Приглашенные, разбившись на пары, принялись танцевать котильон. Мужчины были в парадной форме, в ботфортах и без шпор, на головах — накрахмаленные букли. И от особо ретивых кавалеров крахмал разлетался во все стороны, заставляя дам заходиться в аллергическом кашле.

Девушка перехватила ладонь государя.

— Кажись, она танцевать изволит, Петр Алексеевич.

— Гретхен, — промолвил Петр, — я ведь могу только гопака, да вот еще русского.

В самом центре зала в белых рейтузах и голубом камзоле выделялся прусский курфюрст. По грациозным па было заметно, что он преуспел не только в баталиях, но и в танцах. Его партнершей стала молоденькая фрейлина с невероятно милым лицом. Люстра в тысячу свечей позволяла беспристрастно фиксировать малейшее движение лицевого нерва. Длинные ресницы подрагивали, а рюмяна, намазан-

ные скорее всего отварной свеклой, слегка поползли от пота, оставляя небольшие дорожки.

— Вот что, Алексашка, нам нужно музыкантов в Москву выписать. О, как играют! А наши-то скорморохи только в барабаны умеют стучать. От их потехи в голове гудит!

Смолкли последние аккорды. Проводив девушку до места, курфюрст направился к Петру.

— Кажется, ты заскучал, Питер?

— Что ты, Фридрих, разве в таком обществе и с такими дамами можно заскучать? — очень убедительно произнес царь. — Да вот только идти нужно.

Весь вид государя говорил о том, что для поднятия веселья не помешала бы пара сотен петард да салют на половину неба.

— Тогда в чем же дело? Оставайся еще.

— Ждут государственные дела.

— Мы так и не обсудили с тобой главное.

— Союз против Швеции?

— Вот именно. Против Карла XII. Наши армии могут быть хорошей прививкой против его могущества.

— С превеликим удовольствием, Фридрих, — произнес государь.

Курфюрсту очень импонировал этот простоватый плотник царского звания. Но что-то подсказывало ему, что Питер не так прост, как это могло показаться на первый взгляд.

— Только я вот что предлагаю, не будем подписывать никаких документов. Просто дадим слово соблюдать союзнические обязательства. Потому что наши слова значат куда больше всех этих подписей и печатей!

— Договорились, — пожал государь протянутую руку. — Если Карл начинает войну с тобой, я выступаю против Швеции, если же Карл выступает против России, то ты объявляешь ему войну.

— О да! — широко заулыбался курфюрст, потрясая протянутую руку.

С русским царем не будет особых проблем.

— Надеюсь, что мой уход не омрачит общего праздника?

Герцог обезоруживающе улыбнулся, посмотрев в конец зала. Фаворитка, окруженная поклонниками, не скучала. Но все немедленно отклоняются, стоит ему только приблизиться.

— Позвольте мне проводить вас до двери.

Петр Алексеевич широко улыбнулся:

— Не утруждайте себя, курфюрст. Ведь я всего лишь бомбардир Михайлов.

Фридрих весело рассмеялся:

— Ваше положение освобождает меня от многих официальных условностей.

С балкона на втором этаже вновь зазвучал слаженный оркестр. Веселье переходило во вторую фазу.

— Позвольте мне тогда с вами распрощаться. Ведь дамы такие обидчивые.

Петр Алексеевич удалился. Улица встретила его пронизывающим ветром. Застегнув камзол на все пуговицы, поторопил пожившегося Меншикова:

— Ну чего рот раззявил?! Веди! Где он?

В многочисленном обозе посольства, состоящем из нескольких сот слуг, ехало еще полдюжины палачей. Так, на всякий случай... Полгода заплечных дел мастера харчевались за государев счет, и вот сейчас в них настала нужда.

Явился Алексашка Меншиков. Не церемонясь, поскидывал с постелей разнеживавшихся палачей и во всеуслышание объявил о том, что пора отработать скормленный хлебушек!

Для пыточной Меншиковым было подобрано место в подвале дома, где квартировал государь. Поначалу тут хранилось бутылочное вино, которого было такое огромное количество, что им могла упиться половина Пруссии. Но недавно выпили последнюю бутылку...

Осмотрев приглянувшийся подвал, палачи сочли его весьма удобным. Самое главное, что через метровую толщину стен наружу не пробивался ни один звук. Потому, не будоража покой горожан, можно без боязни выкручивать руки крамольникам.

Соскучившись по работе за время вынужденного безделья, палачи старались вовсю. Для начала поломали изменнику нос, а когда тот, отплевываясь от крови, пообещал наказать злодеев, вывернули скулу.

Подпирая макушкой своды, государь Петр Алексеевич спустился в подвал. Трое палачей в красных рубахах стояли полукругом подле человека, подвешенного за стянутые руки к торчащему из свода кольцу. Лица крамольника не разглядеть, оно залито запекшейся кровью, длинные волосы неприбранными лохмотьями стелятся по плечам и груди. Нескладный широкоплечий отрок с длинными обезьяньими руками примеривался раскаленными щипцами к изменщику.

— Глянь-ка сюда, милок. Ты, часом, щекотки не боишься?

— Прочь поди! — посуровел отчего-то царь, зыркнув зло на детину потемневшими глазами.

Шарахнувшись в угол от сурового взгляда государя, палач примолк.

Государева трость уперлась в грудь изменника, как если бы хотела проделать в самом центре дыру, затем медленно поползла вверх, приподнимая подбородок.

— Вот, значит, как ты платишь за добро. И родитель твой, и дед русским государям служили, а ты вот оно как... К супостату решил податься. Ведь клятву же ты мне давал! Крест чудотворный целовал! Сколько же ты получил за свою измену?

— Питер...

— Я тебе не Питер! — зло воскликнул царь. — А самодержец всяя Руси. Клятву мне давал, а сам за пятак продал!

— Государь... Петр Алексеевич... — залепетал разбитыми губами изменник, — не казни, бес попутал. Дом хотел себе построить, посулили немало.

— С кем встречался?

— Себя он не назвал, а только письмо показал от барона Кинэна.

— Как он выглядел?

— Горбоносый... Высокий такой, с узенькой поседевшей бородкой. В богатом платье, а еще шпага при нем была.

— Та-ак, — насупился царь. — Значит, из дворян. Как же ты с ним общался?

— Да он русский знает не хуже нашего, только шепелявит малость.

— О чем расспрашивал?

— О тебе, Петр Алексеевич, расспрашивал. Ин-

тересовался, когда ты отъезжаешь. И какой дорогой поедешь.

Правый уголок рта государя нервно дернулся. Рука, приподнявшаяся было для удара, застыла. Удержался государь, спрятав трость за спину.

— И что же ты ответил?

— Сказал, что скоро, а точно не знаю...

— А шпиен что?

— Велел разузнать.

— Когда договорились встретиться?

— Завтра вечером в таверне... Около пристани.

— Ага... Скажешь ему, что царь отъезжает через три дня... Морем, как и прежде было оговорено. А сейчас государь судно подбирает подходящее. Все посольство в одном не поместится. Уяснил?

— Уразумел, государь, — охотно отозвался Глебов, хмыкнув разбитым носом.

— Развяжите его, — потребовал царь.

— Убежит ведь, Петр Алексеевич, — засомневался Меншиков.

— Ежели убежит, тогда князь Ромодановский всю его семью на дыбу поднимет. Уяснил? — сурово спросил царь.

— А то как же!

— Теперь ступай. Не до тебя нынче. И еще вот что. Когда про рожу начнут спрашивать, почему разбита, скажешь, что в трактире с пьяными матросами подрался. Они это умеют!

— Обязательно скажу, государь, — произнес Степан Глебов, потирая освобожденные запястья.

Взглянув в окно на удаляющегося окольного, государь строго наказал:

— Алексашка, глаз с него не спускай. Если уй-

дет, так я с тебя первого шкуру спущу. Он нам еще нужен будет.

— Не уйдет, Петр Алексеевич, — заверил Меншиков, — я за ним топтуна направил. Свое дело знает, ни на шаг не отступит. А еще у самого дома его караулят.

— Наказ мой выполнил?

— Исполнил, государь, — почти обиделся Меншиков. — И ростом, и ликом на тебя похож, вот только приодеть бы его надо, тогда и не отличишь.

— Так в чем же дело?

— Так ведь, стервец, никак не желает с усищами расхаживать!

— Не скупись! Денег добавь. Золотишка ему отсыплешь поболее, так он и чугунок на голову надеет.

— Сделаю, государь.

* * *

Графиня Корф сладко потянулась. Рядышком, слегка запрокинув голову, посапывал Август II. Воспоминания о прошедшей ночи невольно вызвали удовлетворенную улыбку. Что бы ни говорили об Августе II, но он все-таки замечательный любовник! Неудивительно, что у него такое огромное количество женщин. Достаточно провести с ним наедине пару часов, чтобы запомнить навсегда!

Манерой любить он чем-то напоминал Луизе Петра. Правда, русский царь проводил адюльтер то-ропливо, часто даже не снимая шпаги и ботфорт, как если бы опасался, что вездесущая челядь не даст ему довершить начатое.

Август II, напротив, никуда не торопился. Порой возникало впечатление, что остроумная беседа занимает его куда больше, чем плотское вожделение. И только когда наконец после душевных разговоров они добирались до постели, Август доказывал, на что способен настоящий мужчина.

Графиня Корф называла себя собирательницей королевских сердец. Она сумела побывать в постели у половины европейских властителей. Интересно, найдется ли в Европе еще одна такая дама? И счастливо улыбнувшись, сделала вывод: пожалуй, что нет. Для этого, кроме очаровательной внешности, важно иметь немало талантов.

Кто бы мог подумать, что обыкновенная дочь служанки из провинциального города будет когда-нибудь иметь титул графини, лежать на шелковых простынях в объятиях королей, оставаться весьма независимой и обеспеченной особой.

Август открыл глаза.

— Разве вы не спите, графиня?

Интересная особенность: даже после страстных ночей любви Август продолжал обращаться к своим возлюбленным на «вы».

— Нет, мой король, я люблюсь вами.

— Мне это лестно слышать. Но право, по утрам я не в форме.

— Наоборот, вам очень к лицу утренний румянец.

— Надеюсь, прошедшей ночью я не разочаровал вас, графиня?

— О, что вы, мой король! Вы ненасытный и желанный любовник. Ничего подобного я не испытывала прежде, — голос графини был очень располагающим и искренним.

Уголки губ Августа чуть поползли вверх:

— Признаюсь, графиня, я старался. Вы и вправду меня любите?

— Разве можно не любить вас?

— Как далеко вы можете пойти ради любви?

Даже всемогущие короли нуждаются в любезности.

— Моя любовь к вам не знает границ, — без тени смущения отвечала Луиза.

Все мужчины одинаково падки на лесть: от простого конюха до венценосного короля.

— Ваше самопожертвование похвально, графиня, но я хотел попросить вас всего лишь об одном: быть как можно ближе к русскому царю.

И он туда же!

— В прошлый раз я подумала, что это была всего лишь невинная шутка.

— О нет, графиня! Это был четко продуманный план, за который последует щедрое вознаграждение. Так вы мне обещаете?

— Я сделаю все возможное, чтобы угодить вам. Но я слышала о том, что ему угрожает опасность.

— Вот как. И от кого же?

— Не пытайте меня, король, — мило улыбнулась графиня. — Могут же у женщин быть свои маленькие секреты?

— Разумеется. Мы попробуем уберечь его от неприятностей.

* * *

Еще через два часа Август проводил графиню через потайной ход, которым пользовался для тайных свиданий. Оставшись один, он позвонил в ко-

локольчик. Дверь из соседней комнаты распахнулась, и в королевские покои вошел невероятно худой человек.

— Вы знаете, где сейчас находится русский царь?

— Да, мой король.

— Мне не удалось вывести мою гостью на откровенность. Но не выкручивать же ей руки!

— Вы всегда ценили женщин, ваше величество. Даже самых худших из них.

— Не преувеличивайте, — слегка смутившись, отвечал Август, — я не столь великодушен, но дело не в этом. Она призналась, — победно продолжал король, — что русскому царю действительно угрожает серьезная опасность. Я его должник. Постарайтесь отвести от него беду. Но делать это следует очень тонко. Мне бы не хотелось осложнений с соседями.

— Я вас понял, ваше величество.

— И еще... Пригласите его в Варшаву!

Глава 3

ГОНИ ИХ К ЛЕШЕМУ!

Петр Алексеевич проснулся рано. Пять часов утра, а он уже на ногах. Набросив на плечи короткий халат, едва прикрывавший голые ноги, и натянув на голову свой любимый вязаный колпак, он громко прокричал:

— Никола! Мать твою! Где тебя носит?! Государь твой уже поднялся, а ты еще дрыхнешь без задних ног!

Подобная история повторялась едва ли не изо дня в день, а потому секретарь Николай Макаров обычно терпеливо топтался у дверей, дожидаясь пробуждения государя. Предупредительно и негромко стучал в приоткрытую дверь и, не спросив разрешения, смело перешагивал царские покои.

Петр Алексеевич огромными шагами нетерпеливо мерил покои, дожидаясь секретаря. Высоченный, едва ли не под самый потолок, с непомерно тощими ногами, со свесившимся на плечо ночным колпаком он чем-то напомнил Макарову цаплю. И секретарь всякий раз едва сдерживал улыбку, глядя на вышагивающего самодержца.

— Что там у тебя? — нетерпеливо спросил Петр Алексеевич, глянув на вошедшего Макарова.

— Сегодня у тебя, государь...

— Не государь, а бомбардир Петр Михайлов, — сдержанно поправил Петр Алексеевич.

Вчера утром царь отдубасил Алексашку Меншикова за то, что тот прилюдно назвал его государем (для всего окружения Петр Алексеевич продолжал оставаться бомбардиром Михайловым), так что следовало быть поосмотрительнее.

Невольно скосив взгляд на толстую дубину, стоявшую в самом углу комнаты, Макаров продолжил:

— Сегодня у тебя, бомбардир, встреча с английским послом.

Развернувшись, Петр Алексеевич удивленно буркнул:

— А чего это ему нужно от обычного бомбардира?

— Э-э... Наверняка он перепутал тебя, бомбардир Петр, с каким-то важным лицом.

— Ну ежели так, — смиренно согласился Петр Алексеевич, — придется уважить.

Заглянув в бумаги, Макаров продолжил:

— В десять часов должны прийти пиротехники.

— А это еще зачем? — подивился Петр.

— Так ты же, бомбардир, хотел устроить фейерверк, какой в Пруссии никогда не видывали, и даже собирался пригласить на него всех иноземных послов.

Лицо Петра Алексеевича приняло задумчивое выражение:

— Чего только не наговоришь спьяну, а потом расхлебывай! Много ли их прибудет?

Почесав пером макушку, секретарь отвечал:

— Да почитай две дюжины наберется.

— Многовато, — озадаченно протянул царь.

— Ты еще хвастал, Петр Алексеевич, что твои фейерверки лучше заморских. Вот они и придут посмотреть на твои дела. — Пожав плечами, Макаров добавил: — А еще грозил дубиной проучить кто идти не захочет.

Махнув рукой, государь изрек:

— Придумаем что-нибудь. Еще чего?

Петр Алексеевич вновь зашагал, и половицы под его размеренными шагами тонко и торжествующе поскрипывали.

— В двенадцать часов у вас встреча с прусскими купцами.

— Сколько их?

— Полсотни наберется.

— Чего им надобно от Петра Михайлова?

— Петр Алексеевич, им раньше других ведомо,

что ты царь. И вот хотят просить тебя беспощинно торговать с Россией.

Отмахнувшись, Петр Алексеевич произнес:

— Ишь чего удумали! Гони их к лешему! Все дармовщиной хотят полакомиться, а казне от того убыток, а потом, бомбардиру Михайлову такие вопросы не решать. Чего там далее?

— Вчера стольника Ермолая Васильчикова задержала городская стража.

— За что?

— Пьян был, к девкам приставал.

— Как узнали?

— Он не один был, а с двумя товарищами. Вот те убежали, а он не сумел, уж больно хмельной был.

— Ну и дурень! Пускай посидит, авось поумнеет. Поддержат, да и отпустят, не велик грех. Если каждого мужика задерживать за то, что бабам под юбку посмотрел, так все темницы переполнены будут. Что еще?

— Ночью драка в таверне случилась. Наша челядь с голландскими моряками подралась.

— И кто кого? — поинтересовался государь.

— Наша челядь голландских моряков побила. Тех числом поболее было. Но ничего, устояли. Да и как не устоять, если с ними Игнат с Поварской слободы! А он в кулачном бою силен!

— Выпороть бы их надо за своеволие, — призадумался государь. — Значит, ты говоришь, голландцев поболее было?

— Да раза в два, — охотно подхватил Макаров.

— Дашь им полсотни талеров, пусть раны свои залечат. Далее чего?

— Получено письмо от саксонского курфюрста.

— Когда? — востепенулся Петр Алексеевич.

— Два часа назад.

— Почему раньше не передал?

— Уж больно крепко спал ты, Петр Алексеевич. Курьер постоял под дверями да и мне письмо оставил.

— А на словах что сказал?

— На словах велел передать, что благодарит тебя за помощь, клянется в вечной дружбе. Неделю назад курфюрст прибыл в сопровождении саксонского отряда в Польшу, — живо отвечал секретарь, протянув Петру Алексеевичу туго перетянутую грамоту, скрепленную сургучной печатью. — И уже принял католичество и короновался в польские короли под именем Августа Второго.

Заложив руки за спину, Петр Алексеевич зашагал вновь. Походка у него была стремительной. Каждый раз Макарову казалось, что государь не рассчитывает расстояния и ударится головой в стену. Но царь неизменно резко разворачивался и столь же стремительно направлялся в противоположную сторону.

Знай о подобной привычке Петра Алексеевича Фридрих Третий, приготовил бы для него помещение попросторнее.

— Как там Луиза, разыскали?

Петр Алексеевич остановился напротив секретаря, сверля его колючим взглядом. Под пристальным взором государя секретарь, и без того небольшого росточка, казалось, усох еще больше. Следовало не разочаровать царя и подобрать подходящие слова, чтобы не накликать на себя беспричинный гнев. По тому, с каким вниманием ждал ответа

Петр, можно было подумать, что внешняя политика его интересует куда меньше, чем исчезнувшая женщина. Оставалось только гадать, что же заставляет сходиться с ума российского государя. Не ошибиться бы...

Макаров невольно покосился на дубинку, стоявшую в самом углу комнаты. Заслуженное оружие — не один боярский лоб ею разбит. А сейчас будто в наказание за какую-то шалость стоит в самом углу комнаты и выглядит вполне мирно.

Не прогневался бы царь на правду. Вздохнув глубоко, Макаров отвечал, припустив в голос скорбь:

— Здесь она, бомбардир. Вот только теперича не Луиза, а графиня Литке. Поговаривают, что была любовницей самого шведского короля.

— Где она сейчас?

— Не ведаю...

— Отыщи ее!

— Сделаю все возможное!

Глава 4

ВОЙНА С РУССКИМИ УЖЕ ИДЕТ

Пожар, случившийся несколько месяцев назад в королевском дворце, практически полностью его уничтожил, оставив только северную часть, совершенно непригодную для жилья. У Карла XII под Стокгольмом оставалось еще десятка полтора резиденций, где он мог ждать восстановления дворца, пользуясь при этом всеми благами цивилизации. Однако король предпочел переехать в отдаленный замок Олавилинна, расположенный на скалистом острове между озерами Хаапавеси и Пихлявеси.

Впрочем, в этом тоже не было ничего удивительного. Король считал себя прямым наследником шведских рыцарей, а потому большую часть времени проводил в средневековых замках.

Замок впечатлял своими размерами: он имел три гигантские башни, соединенные между собой толстыми стенами. Первая башня была Пороховой. Самая высокая именовалась Колокольной, получившей свое название по церковным колоколам, установленным под крышей из темно-коричневой черепицы; здесь же размещались огромные замковые часы. На втором этаже башни располагался каземат с амбразурами для пушек, на другом находились казармы. Третья башня называлась Церковной; тут же размещалась замковая церковь. Третий этаж башни был жилым, а на одной из стен сохранился герб основателя замка — Эрика Тотта.

В замке была и своя темница, в которую помещались государственные преступники. Вход в нее начинался с небольшой пристройки в Церковной башне.

Два года назад король распорядился провести реконструкцию темницы: подвалы значительно углубили, расширили помещения. В результате проведенных работ в толстых стенах башни вскрылось несколько ниш, в которых обнаружили закованные в кандалы скелеты. Поговаривали, что это были политические противники шведских королей.

Граф Грип Йонссон всякий раз украдкой крестился, проходя мимо замковой темницы. Его предки, обладая немалым политическим влиянием и богатством, имели привычку перечить королям. Впоследствии некоторые из них бесследно исчезали из